

В тот високосный год

Мир опустел. Всё заперто. И только
Лишь осень хмурая, седая, как вдова,
Брела бессмысленно, глотая слёзы горько
И бормоча какие-то слова.

Закутываясь рваным полушалком,
Сплетённым из октябрьских непогод...
И было никому её не жалко
В тот жуткий, чёрный високосный год.

Как ты хочешь – так будет

Я купила на поезд билет,
Чтоб уехать подальше
От проблем, неурядиц и бед,
Нестыковок и фальши.
За окошком мелькают поля,
Города, полустанки,
С облетевшей листвой тополя,
Прежней жизни останки.
Словно кадры немого кино:
Люди, станции, птицы...
И нормально всё вроде бы, но
Для меня – не годится.
Там, в душе, как в дремучем лесу,
Воют серые волки.
У судьбы снова шанс я прошу,
На ходу, с верхней полки:
Перемен я хочу, как букет –
Ярких, красочных, сочных!
И стучат мне колёса в ответ:

«Перемен? Будут, точно!»
Как надежду, огни я прочту
На вокзальных перронах.
Срочный груз, как шальную мечту,
Здесь пакуют в вагоны.
Проводник завтра утром, чуть свет,
Пассажиров разбудит.
Лишь прошепчут колёса мне в след:
«Как ты хочешь, так будет,
Так будет, так будет... Так будет!»

Анапа

Март заставил нас весне поверить.
Я иду, мороженое ем,
Зная, что зима – не та потеря,
Что не восполняется ничем.
Ну а если честно – надоела
Долгая сибирская зима.
С радостью б в Анапу улетела,
Там весной такая кутерьма!
В счастье можно верить и не верить.
Да, счастливым можно быть и тут.
Но в Анапе море бьёт о берег!
И в Анапе персики растут!
Представляю, как схожу по трапу.
Чайки – это вам не воробьи!
Будоражит дух самой Анапы:
Море, пирс, песочек, корабли!
С радостью свою снимаю шляпу
И кричу подруге: «Ущипни!
Я опять приехала в Анапу,
Хоть и нет здесь у меня родни!»
На лице её читаю ужас.
Струйками пломбир течёт на плащ.
Мы бредём с ней по беловским лужам,
А унылый дождь похож на плач.
Не понять заядлой сибирячке
Странные желания мои:
То они лежат, как будто в спячке,

То плывут, как будто корабли,
К берегам, где холода так редки,
В марте снова персики цветут.
Где мои когда-то жили предки.
А в Сибири внуки их живут.
Давняя мечта засела в клетках
И звала туда, где цвёл имбирь...
Словно голос легендарных предков,
В прошлом веке сосланных в Сибирь.

Время любви

Я утром проснулась, открыла окошко:
Весна ковыляет ободранной кошкой.
У дома, скукожившись, точно сосулька,
Крадётся, боясь поскользнуться, бабулька.
Все белые втоптаны в грязь покрывала,
Которыми землю зима укрывала.
И лишь одинокий скворец на балконе,
Довольный, лопочет на птичьем жаргоне,
Что жизнь хороша, что погода прекрасна!
И, чёрт побери, я почти с ним согласна!
Мгновенье ещё – и залитый лучами
Наш старенький двор, словно торт

со свечами,

Стоит в обрамленьи сугробов и луж.
Хмельной и разгульный, как в пятницу муж.
За ним наблюдая, к окну прикоснулась.
Весна, как в берлоге медведь, потянулась,
Прищурясь в лучах наступившего утра,
Где таял туман, как намокшая пудра...
Вновь вытряхнув в бак омертвевшие розы,
Я знала: серёжки наденут берёзы.
А серым наш мир никуда не годится.
Ещё лишь чуть-чуть – и он преобразится!
Ведь с нежностью землю весна обнимала...
Что время любви к нам вернётся, я знала.

Весну не прогонишь

Под моим балконом вдоль окошек
Разместился хор... бездомных кошек!
Будто люди пьяные кричали.

Разобраться вышла баба Валя.
Не лентяй и нацепив калоши.
Слышу, хлопает уже в ладоши!
«Брысь!» – кричит соседка вместо «браво!».
Кто налево прыгнул, кто – направо.
Лишь мелькали в перебежках лапки
Да хвостов пушистые охапки!
Жалко, что «хористы» плохо спели
И бегут, лужам – не догонишь!
Но звучит мелодия капели,
И весну, как кошек, не прогонишь!

Я купила такие весы,
чтобы взвешивать всё, что сказала.
Расставаясь с тобой у вокзала,
прокрутила назад все часы,
ведь отпущено людям так мало.
Дом большой вместе с книжною пылью
на твою обменяла мечту.
Чтоб с тобой набирать высоту,
вместо рук моих выросли крылья.
Я уже одолела версту
И к неведомой стае прибилась,
где ты крылья расправил, маня
за мечтой, что была как заря.
Я ж о скалы в тумане разбилась.
Камнем вниз – и уж нету меня...
Полный тайн, яркий мир человеческий
всё шумел и дразнил красотой.
Кто-то снова своею мечтой
называл в нём с иллюзией встречу,
совершая полёт неземной.
Стук часов. Чьё-то сердце заныло.
В этом мире из матриц и схем,
из нелепых и сложных систем
кто-то знает ведь: что это было?
А быть может, и знает – зачем?
Буря мыслей в пространстве кружила,
где мечты, словно пламень и снег...
Без любви погибал человек.
В вечный космос летела пружина
От часов, прекративших свой бег.

